

Марьяна Сурикова

Сердце Стужи

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Марьяна Сурикова
Сердце Стужи

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Сурикова М.

Сердце Стужи / М. Сурикова — «АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2983-7

Если жребий быть принесенной в жертву пал на тебя, а родные мигом увезли в лес и привязали к дереву, должно покориться судьбе. Только плохая из меня жертва вышла, а сиротка и вовсе неблагодарная. Ни покорности на уме, ни смирения, одни мысли крамольные – как бы жизнь молодую сохранить да спасителя на помощь призвать. Помню, с детства мне твердили: «Какая бы нужда ни прижала, а поминать Сердце Стужи не смей! Кабы хуже оттого не вышло, да не тебе одной. Не такое он божество, что к людям милостиво». Только на краю жизни о том ли задумаешься, тут лишь бы спастись...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2983-7

© Сурикова М., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марьяна Сурикова

Сердце Стужи

*Призовешь его, раскаешься,
Жизнь спасешь, а жить захочешь ли?
Стужа зимняя в глазах плескается,
Воем волки во снегу заходятся.
Есть хозяин у земель заснеженных,
Сердцем ледяной богини прозванный,
В белых волосах венец серебряный,
По плечам снежинками плащ стелется.
И заноза платой за спасение
В сердце попадет и там останется,
А чужой лед растопить сумеешь ли,
И огня души двоим достанет ли?¹*

Глава 1

О неправильных жертвах

Руки затекли, пальцы онемели, не двигались, а веревка не ослабла ни на полстолечко. Я и ужом извивалась, и узлы подцепить пыталась – все без толку. Держала меня веревка крепче некуда. Так даже братья ручищами своими не сжимали, а они крепко сдавить могли, синяки после неделю сходили. На совесть меня привязали.

В отчаянии запрокинула голову и посмотрела в синее-пресинее небо, из рта вырвалось облачко пара и полетело высоко-высоко в прозрачную лазурь. А окрасится небосвод золотистыми предзакатными сумерками, и потянет из леса, что за спиной, стылым и жутким. Скользнет неслышно снежной поземкой, укроет ноги, устремится вверх по стволу, чтобы коснуться губ, вытянуть через них саму жизнь. Сколько тогда продержусь? Против духа льда свой слабенький дар поставить смогу ли? Пожалуй, снежная сущность только порадует, будет ей тут пир и десерт заодно.

Вот же сглупила! Раньше следовало догадаться, что родня удумала. И в хмурых взглядах отца не углядела приговора себе, и в хмыканьях братьев не распознала. А все потому, что редко когда они ласково в мою сторону смотрели, а к чему привыкла, того почти не замечаешь. Стоило, стоило к жалобам охотников прислушаться, возможно, раньше бы угадала, какую мне долю уготовили.

Отец да братья лучшими звероловами в округе считались, никогда в силках дичь не переводилась, всегда нам мехов на продажу доставало и мяса к столу. Которое солили, вялили, а после в город отвозили. И птицы много было, словно и вправду держалось на моем роду благословение богини Стужи.

В Северных землях только от ее милости все и зависело. Кого невзлюбит, тому жить да бояться, как бы в заснеженном лесу не показался из-за деревьев беловолосый мужчина – любимец богини, над всеми нашими землями хозяин. Ближе всех он был ей по сердцу, и много лет уж так повелось. Его теперь тоже за божество почитали, хотя по легенде был он когда-то человеком. Только имя родное давно позабылось, а называли его Сердце Стужи, не иначе. Всегда шепотом и с оглядкой: не дай мать богиня, призовешь ненароком. Говорят, страшен он

был лицом, а вместо сердца у него осколок льда. И только от его желания зависело, поможет он человеку или насмерть заморозит. Вот и боялись его пуще лютого зверя.

У нас же в последнее время такое приключилось: дичь в лесу точно перевелась, ловушки поутру все пустыми находили. А люди поговаривали, будто по ночам в чаще вой раздавался. Не иначе дух ледяной там поселился. Его сперва дарами умиловить пытались, чтобы зверей не пугал, но, верно, не по нраву пришлось ему каша наваристая да поросенок молочный. Не та сущность оказалась, которую обычными подношениями умаслить можно. Тут жертва побольше требовалась. И стал отец хмуро в мою сторону посматривать. Только и тогда я не догадалась, какая мысль его посетила. Ну не могла взять в толк, что дочь родную в лес потащит. Да только это я его отцом считала, а в семье меня иначе как подкидышем и не называли. Было дело, набрел молодой охотник в лесу на человека. Лежал тот без движения, а снег уже и тело замел наполовину. Осторожно подкрался охотник к сугробу, пригляделся, а оказалось, что то девушка, сознание потерявшая, в лесу замерзала. Одна-одинешенька, ни вещей при ней никаких, ни одежды теплой. Еле-еле дышала к тому времени.

Вот он ее домой и забрал, а дальше отогрел, приютил. Через годик у Найдены той ребенок родился. Охотник, конечно, жениться не думал, кто же на безродной женится. Девушка-то не помнила, откуда она, где дом родной и люди близкие. А у парня невеста была на примете, и поскольку благоволила ему Стужа, то обещал охотник в будущем очень состоятельным мужем сделаться. Только и Найдену он свою никуда не отпускал.

Слышала я однажды, что не раз и не два она пыталась от доли такой убежать и в лесу укрыться, но разве спрячешься, когда тому, кто ее держал, в округе каждый кустик, каждое дерево знакомо. Возвращал он ее, а еще думал, будто ребенок непокорную удержит. Не угадал. Сбежала – и от него, и от меня. Туда сбежала, где никто не отыщет, откуда никто не вернет – в светлые небесные чертоги. И жилось ей там, думаю, слаще, чем мне у родни неприветливой.

Стоит ли упоминать, что отец меня не очень жаловал. Редко я от него доброе слово слышала, все больше попреки и фразу любимую: «Благодарна будь, что в лес не гоню». И сыновья, от законной жены рожденные, когда подрастать начали, эту манеру быстро переняли. Вот тогда я наловчилась от них, норовивших ручищами за косу дернуть или синяков наставить, ускользать и прятаться, чтобы не сыскали. Пригодилось бы мое умение и в этот раз, кабы сообразительней оказалась.

Из леса вдруг потянуло холодом, и я вздрогнула, но не от ледяного дыхания, больше от ужаса. Мороз пока не страшен был, хотя кто другой продрог бы до костей. Из одежды на мне только платье тонкое, золотистое на лямочках держалось. Так и сверкало в лучах заходящего солнца. Жертву ведь нужно красиво приодеть, показать духу – вот оно, твое подношение, прими и не гневайся на нас больше.

Мачеха когда в комнату завела, наряд, на кровати разложенный, показала, признаться, кольнуло в сердце, пробрало до нутра. Отец его когда-то из города привез не для меня, для дочки младшей на приданое, хотя той пока лишь девять зим минуло. Но красивое оно оказалось, глаз не отвести. Сперва золотое платье на тонких лямочках надевалось, все сверкающее, переливающееся, а поверх него пышное, из тонких кружев сплетенное. И довелось же мне такое чудо примерить в последний день жизни. Родня для монстра не поскупилась.

В общем, когда я в те кружева вцепилась, насилу оттащили, да только верхний невесомый наряд уже в лохмотья превратился. Решили тогда в нижнее платье нарядить, и его натягивали чуть ли не всем скопом – сопротивляться и изворачиваться я горазда была.

Наверное, не вырасти подкидыш такой колючкой, и пожалеть бы могли, поплакали бы напоследок, а так привязали в тонюсеньком платье к дереву и побыстрее из леса убрались, на прощальные слова время не тратя. Отец только посмотрел и сказал: «Вся в мать, такая же неблагодарная. А ведь я ей жизнь спас. Вот и ты за родню не переломишься». Сплюнул в сердцах и ушел.

И снова дохнуло по коже морозом, даже тонким ледком плечи взялись, правда, мигом растаяло. Меня дар грел, тот самый, что от матери достался. Больше во всем нашем роду чародеев огня не было. Жаль только, очень слабо магия проявлялась. Люди сказывали, чародеи далеко-далеко жили, в теплых краях, где настоящей северной зимы никогда не знали. Огонь их внутренний был столь силен, что не только духа ледяного на месте мог истребить, но и веревки, тело связавшие, вмиг бы пережег. А у меня выходило лишь стоять возле дерева и не мерзнуть. Да еще маму вспоминать, точнее, представлять: ведь не видела ее никогда. Когда сделала свой первый вздох, она в последний раз выдохнула. Зато именем успела наградить, больно редким для наших мест, а потому чужим. Весной нарекла, или Вессой, как все вокруг называли.

– Ш-ш-ш, – прошуршало по ногам, и я вздрогнула.

Пушистый белый снег пришел в движение, потянулся тонким ручейком, укрыл ступни в матерчатых туфлях. Веревка обледенела, воздух словно застыл. Мое дыхание раскалывалось теперь на крошечные сосульки, со звоном опадая вниз. Солнышко скрылось за деревьями и больше не грело и не берегло меня от страшного духа. Тот же мигом учуял в лесу живую душу и устремился к ней, желая поглотить поскорее. Я не видела его, но чувствовала, как там, позади меня установилась мертвая тишина, даже ветерок стих.

И хотя сила текла и текла по телу, а все же губы побелели от холода, кожа мурашками взялась, и озноб прокатился вдоль позвоночника. Я глаза закрыла, дар призывая, а когда согрелась и открыла вновь, то едва не заледенела от страха. Покачивался в сумрачном воздухе чуть прозрачный белесый силуэт. Космы спутанные, серые почти земли касались, фигура точно куль бесформенный, четко лишь лицо с глазами светящимися да широко раскрытым ртом обозначалось. С жадностью дух ко мне потянулся в поцелуе прильнуть.

Я отшатнулась, вдавилась всем телом в холодное дерево, и спина начала к стволу примерзать. Закричала бы, но воздуха не хватало для крика, и смысла не было в мольбе. Кого могла попросить о помощи, кому свой стон адресовала бы? Не находилось для меня спасителей в этом заснеженном лесу, в такой миг лишь богам об избавлении молиться, но и те вряд ли услышат.

– Сердце... – выдохнула я, а в следующий миг потекла по жилам ледяная вода вместо крови, грудь сковало холодом, а волосы, пушистой шапкой укрывавшие голову и плечи, покрылись корочкой льда. – Стужи...

Казалось, и разум затянуло беспросветной холодной мглой. А огонь внутренний тихонько угасал, все тепло сосредоточив вокруг сердца, которое пока билось.

Слова... Следовало произнести правильные слова, ведь если зов будет услышан, Он может прийти. Говорили люди, не со всеми и не всегда бывал Он жесток.

Надежда, поборовшая давний детский страх, словно тонконогая лань, что в последнем отчаянном броске пытается ускользнуть от охотников, воскресила в памяти слова... Но в уме лишь одно прозвучало:

Стынь-травы, стынь-земля,
Лес под ветром склонись,
Сердце Стужи, на зов мой явись.

И оборвался призыв, запнулся, потерялся отчаянный в снежных просторах, а тело почти уснуло в ледяных объятиях. Холод. Холод кругом царил, и никогда прежде мне не было столь холодно.

Дух давно так не радовался вкусной жертве. И хотя почти уже насытился, но не хотелось отрываться от посиневших губ. Он бы, пожалуй, и не прервался, пока жертва еще дышала, но взвыл внутри инстинктивный страх. Задрожало бесформенное тело, и взметнулись под резко

подувшим северным ветром спутанные космы. Резкий бросок духа в сторону оборвался истощенным воем, когда из снежного мерцания, из прозрачного воздуха шагнул навстречу беловолосый мужчина. В расслабленной, опущенной к земле руке изо льда в мгновение ока сплелся синий клинок. Он сиял и переливался холодным огнем, но страшнее блеска прозрачных глаз для духа не было ничего. Перепуганная сущность рванулась в другом направлении, но чужая сила не позволила сбежать. Крепко держал его на месте прозрачный воздух, не давал уйти от короткого замаха. Клинок, сверкнув, прошел наискосок, разрубил пополам полупрозрачное тело, и оно истаяло без следа.

– Вот еще одно порождение Стужи убил, – промолвил высокий гибкий человек с волосами цвета платины, скользя на заснеженную поляну следом за первым мужчиной. За его спиной вприпрыжку шел мальчишка не старше двенадцати зим и сверкающими от любопытства глазами смотрел вокруг, широко раскрыв рот. – За что их так не любишь, Бренн?

– Бестолковые существа эти духи, – ответил ему тот, что был четвертый по счету. Мягко вышагнул он из мигом успокоившегося снежного вихря. По росту равный первому, но с сизым оттенком густых прядей и синими-пресиними глазами. – Без разбору на всех кидаются.

Беловолосый человек тем временем подошел к дереву, к коре которого примерзла девичья фигурка в обледеневшем платье. Синий лед покрыл тело и волосы тонкой полупрозрачной коркой.

– Гляди, – добавил последний, откинув со лба сизую прядь, – никак духу жертву принесли?

– А ничего так жертва, – ответил второй, проведя широкой ладонью по платиновым кудрям, – жаль, спасти не успели.

Шедший первым мужчина приблизился к девушке вплотную и протянул ладонь. Коснулся застывшего лица, а лед вдруг со звоном осыпался с тела. Ветерки, повинаясь легкому взмаху, опали на землю раздробленными сосульками, но та, кого привязали на потеху ледяному духу, даже не шелохнулась.

– Эх, опоздали. Человек против такой твари долго не продержится. Поздно позвала, – вздохнул сизоволосый.

– Жива, – наконец произнес тот, кто стоял сейчас возле дерева. Прозрачные глаза, похожие на чистый студень родник, внимательно оглядывали точеные черты застывшего личика, а после быстро окинули взглядом всю тоненькую фигурку. – Не человек она. Чародейка.

– Да брось! – присвистнул второй, от изумления больно дернув себя за платиновую прядь. – Каким ветром огненную девчонку в наши земли занесло?

– То-то дух медлил, – вставил свое слово синеглазый, – оторваться не мог.

– Ох и вкусные эти чародейки, – толкнул его плечом платиновокудрый. – Поцелуешь такую, и вмиг весь лед в груди растает. Сила по жилам потечет, в крови заиграет.

– А тебе бы только о поцелуях думать! Жалко ведь девку. В лесу одну привязали духу на растерзание. Темный народ здесь обитает, все в старые предания верит, дедовскими методами проблемы решает. Нет бы самим вооружиться, выследить, а после огоньком прижечь. Спасти-то сумеем, Бренн?

Их предводитель склонил голову набок, отчего белые, мерцающие, точно снег на солнце, волосы коснулись плеча. А после он поднял ко рту ладонь и слегка подул.

Фигурку девушки окутало слабое сияние, отчего вся кожа ее покрылась тонким слоем белого инея. Мужчина отступил на шаг, а подле него вдруг сплелись из снега настоящие ледяные сани, такие длинные, что на них вполне мог лежать человек. Подойдя ближе к побелевшей фигурке, он легко поднял ее на руки и уложил поверх саней.

– Чего он ее заморозил-то? – спросил одного из взрослых мальчишка. – Она же и так не дышала.

– Не заморозил, дурень, – дернул его за ухо красавец с платиновыми кудрями. – Морозом укутал, точно одеялом. В этом коконе она отогреется, а к огненному жару пока нельзя. Сперва пусть кровь ток свой восстановит, к каждой клеточке пробьется, жизнь в теле снова зажжет. А иначе очнется и ни ногой ни рукой двинуть не сможет.

– Это ж больно, когда после мороза тело отходит.

– А то! – хмыкнул мужчина, наблюдая, как их предводитель взмахом руки заставляет снег вокруг саней скрутиться в тугую спираль. – Но лучше разок перетерпеть, чем всю жизнь мучиться. Коли она чародейка, огонь внутренний быстрее жизнь восстановит. Сейчас главное – укрыть.

Сани исчезли в снежном вихре, а беловолосый мужчина оглянулся на своих спутников и снова махнул рукой. Вокруг четверых взметнулся снежный буран, завертелся воронкой и осыпался снежинками, явив взору лишь заметенную поляну.

Мальчишка бочком протиснулся к заиндеветавшей лавке, посмотрел еще разок на настоящую чародейку, всю укрытую снежным коконом, и тихонько тронул пальцем белоснежную корочку. Она неожиданно хрустнула под рукой и вдруг мигом слетела с девичьего тела инеистой шелухой, а мальчишка перепугался и хотел уж удрать. У самой двери словили его за ухо крепкие пальцы.

– Куда подался? Трогать кто велел?

– Ай, санами, я нечаянно, не буду больше!

– Конечно, не будешь. Сейчас ухо оторву в назидание, такую науку точно не позабудешь.

Мальчишка старательно зажмурился, представил себя без уха и сумел выдавить две крупные слезинки, отчего хватка наставника тут же ослабла, а после и вовсе исчезла.

Щелкнув любопытного и шмыгающего носом ученика по лбу, мужчина прошел к лавке и посмотрел на девушку. Склонился чуть ниже проверить, дышит ли, и удовлетворенно хмыкнул, пригладив ладонью упавшие на глаза платиновые кудри.

– Отогрелась. Скоро очнется.

– Санами, – любопытный воспитанник уже маячил за спиной, – а если Стужа разгневется? Наказание какое придумает?

– На что разгневется? Пусть он чародейку спас, но ведь на зов откликнулся. А с братцем у Стужи перемирие временное. Важно, чтобы она здесь не появилась, пока девчонка у нас.

– Так я не о том. Богиня страсть как не любит, когда ее созданий убивают. Не оттого ли на огненных злятся?

– А, ты о духе. Стужа их создала больше из вредности.

– Ой. – Мальчишка не удержался и испуганно прикрыл ладонью рот. Чтобы так о богине говорить! Такое себе только его наставник и позволял.

– Брату насолить хотела. Думаешь, она сама их бережет? Другим трогать не велит, потому что в эти клочки стужи жизнь вдохнула, но они ей толком послужить не могут. Приказов сложных не понимают, какой прок от таких? Бренну богиня слова не скажет, будь уверен. Ему все прощается.

– Вот бы и мне так!

– Так – это как? – Мужчина с улыбкой посмотрел на воодушевленного мальчишку. Хотя тому минуло лишь десять зим, но снежный дар уже всю проявлял себя, а кончики светлых волос тронуло серебром.

– Так ей служить, чтобы она меня из всех выделяла.

– Эх, глупый! – потрепал его по голове наставник. – Мы все ей служим, каждого из нас она милостью одаряет, но чтобы так, как Бренн, ей близким стать, тут, парень, одного дара мало. Сперва попробуй свое сердце на кусок льда обменять. Иной раз поколдуешь, и сразу все тело смерзается, мышцы колом встают, в груди холод давит, только сердца жар его и растопит.

А как с постоянной болью мириться, если там осколок ледяной? Жить, когда в груди всегда колет мороз, из-за которого само дыхание сосульками обращается. Нет! Даже дар, по силе безграничный, того не стоит.

– А чародеи огня как же колдуют?

– У них иначе, у них жар все нутро опалает. Магия, она легко никому не дается, а чем больше сила, тем сложнее. За все свою цену платишь, потому проще человеком оставаться и учиться даром правильно владеть.

– Вот стану я, как вы, санами... Ой! Вздохнула, кажется.

Тук-тук-тук...

Ходики так тикают? Звук больно странный, будто сломалось в них что.

Я разомкнула веки глянуть на стену, где висел деревянный домик с двумя медными стрелками, но нашла лишь толстые заиндевевшие бревна. Хотела протереть глаза, а руки оказались тяжелыми и такими неподъемными, что я не на шутку испугалась. Не иначе как связана!

Дернулась и чуть с лавки не кувыркнулась. Поймали у самого пола чьи-то руки и обратно уложили.

– Тише! Куда, пряткая, собралась?

На меня смотрели светло-серые глаза необычного мужчины. Странен он был тем, что на щеке серебрился морозный узор, а волосы, кудрявыми волнами падавшие на лоб, сияли точно браслет платиновый. Необычный, чуточку чужой облик, в котором хоть и проскальзывало человеческое, но словно подернулось оно снежной мерцающей пеленой. Однако явно он не был ледяным духом.

– Спросить хочешь, где оказалась?

Я кивнула.

– А если отвечу, что мне за это будет?

– Коней притормози! – Низкий рокочущий голос заставил первого мужчину поморщиться. Я хотела повернуть голову, рассмотреть, но не вышло. – Никак с чародейки награду спросить вздумал. Не ты спасал, не тебе и спрашивать.

– А вдруг сама бы пожелала наградить? Чего мешаешься, Севрен?

– Скажи, ты колдовать умеешь? – Передо мной вдруг возникла взлохмаченная мальчишечья голова. Большие детские глаза смотрели с любопытством. Пока те двое препирались, ребенок подобрался к самой лавке. – Можешь огнем в стену запустить?

Я снова зажмурилась. Видимо, не пришла еще в себя, видения мучают. Вдруг все разговоры разом стихли, и словно бы скрипнула дверь.

– Очнулась? – спросили, и от звучания этого голоса я всем телом вздрогнула. Взметнулся такой жар из самого сердца, что, подступивши к горлу, закружил голову. То не я, сила вдруг взбунтовалась. Я пока лишь слабость ощущала, зато дар взметнулся, как никогда прежде, всю грудь обжег, заставил со стоном выгнуться.

Мальчишка от меня мигом отшатнулся, и тот, второй мужчина резко назад отступил.

– Ишь как огонь лед чувствует, кабы избу не пожгла, – произнес рокочущий голос.

А мне все хуже и хуже делалось, и совладать неумоготу, жгло изнутри, грудь раздирало, точно когтями по нежной коже. Тут и оторопь сошла, тело мигом задвигалось, и, не помня себя, я с лавки соскочила.

– Отходи! – крикнул, кажется, тот, что с кудрявыми волосами.

Люди, кто в избе оказался – те двое да мальчишка, – мигом в углы вжались, а я к двери рванулась. На воздух, к холоду, туда, где остудить этот пожар смогу.

Но дорогу человек преграждал, стоял ровно на середине моего пути и не двигался. Я же в то состояние вошла, когда ничего толком не замечала. Метнулась к двери, желая оттолкнуть прочь с дороги, да расшиблась об него, точно волна о скалу разбивается. Руки чужие крепче

веревки, у дерева державших, поперек спины обхватили. И мой рывок на пределе сил, против которого и братья не устояли бы, его даже с места не сдвинул. Отразились в морозных прозрачных глазах пламенеющие пушистые волосы и кожа, будто солнце, светящаяся. Я же, не понимая, что творю, взметнула выше ладони.

Марево огненное рванулось от пальцев и заколебало воздух между нами. Я не знала, но чувствовала, было оно жарче самого жаркого пламени. От такого даже металл оплавится, истечет восковыми каплями. Но столкнулось вдруг мое пламя с ледяным промозглым дуновением. Воздух, дрожавший жаркой волной, застыл и пошел морозными узорами, которые трескались и ломались. Так накатывают одна на другую две волны, сталкиваются с разбега: одна, что отходит от берега, и другая, которая приливает. Врезаются с гулом и обе рушатся, исходя бурной пеной. Вот и теперь обе силы будто сшиблись друг с дружкой, а кругом заволокло все белесым паром, укрыв пространство на расстоянии в несколько шагов.

За плечами мужчины взметнулся прозрачный плащ, сотканный из тысячи снежинок, и окутал мои руки и спину, обволок ледяным холодом, который я лишь по морозному облачку пара угадала, телом же не ощутила. Сила внутри плеснула один раз, другой. Она рвалась и рвалась наружу, как рвется с цепи преданный хозяйский пес, ощутив поблизости чужого. Она скрутилась внутри жаркой пламенной бурей и плеснула в последнем броске на застывший между нами прозрачной корочкой воздух, захрустела тающим инеем, растопила ледяную преграду. Но укрывший меня плащ сжался плотнее, и мощь, проявившая себя так щедро, вдруг перестала давить. Отпустило в груди, огонь поутих, и сделалось мне легко. Я воздуха жадно глотнула и дух смогла перевести. Только руки тряслись мелкой дрожью, вцепившись в плечи державшего меня человека.

– Погасил, неужто погасил? – позади пораженный возглас раздался. – Бренн, ты как это... С огненным выбросом сами чародеи не совладают.

– Вот это сила! Мне бы такую! – протянул восторженный мальчишечий голосок, а мужчина напротив меня усмехнулся. Одно только странно: усмешка глаз его не коснулась ни капельки. Как разлился в их глубине холод, так и не оттаял нисколько.

Человек пальцы разжал, меня от хватки железной освобождая, и заметила я в тот момент красные длинные ожоги на его руках. Тянулись они от самых ладоней, а рубашка прожжена оказалась и оголяла белую кожу с красными отметинами. Затягивала пугающие раны тонкая инистая корочка, и стоило мне назад отступить, как увидела такие же свежие шрамы на широкой груди.

Я ли это сотворила?

– В другой раз задумаюсь, прежде чем чародейку спасать, – тряхнул головой человек, и цвет его волос показался мне необычнее всех виденных. Белоснежный, и в прядках искры сверкают, точно белый снег в лунном свете искрится. Но даже не поморщился мужчина при этом движении, не скривился от боли, словно вопреки муке собственного тела чуть ли не каждый день чужой огонь гасил.

Однако, услышав его слова про чародейку, я догадалась наконец оглядеться.

Изба незнакомая, по форме квадратная, из бревен сложенная, а у дальней стены на всю длину лавка. Одно окно, дверь и ничего больше, да и комната одна, по размеру не больно большая. Но удивительней избы, конечно, люди оказались: трое мужчин да мальчишка. Двое рослых плечистых вроде разнились друг от друга, однако и схожесть была. Не в движениях, не в выражении глаз, больше в ощущениях. Роднило их что-то. Ведь бывает, людей, одним делом связанных, это дело крепче прочих уз объединяет. Мальчишка же и вовсе привычным казался, любопытный, как всякий ребенок, только волосы на концах тронуты серебром.

И кто же такие?

– А ты кого звала? – Тот, кто меня поймал, наблюдал, как я оглядываюсь, а потому на вопрос, который неожиданно вслух задала, мигом ответил. И если тех двоих я бы еще приняла

за путников, которые в лесу на мое дерево случайно набрали, то этого назвать человеком язык не поворачивался. Не было в нем того, что людей отличает. Ведь у живого существа чувства в глазах, от него теплом веет, и все тело жизнью дышит, а здесь я человека не чуяла совсем, вот ни капельки.

Потому окинула пристально взглядом да заметила, как прежде красные раны обратились белесыми полосками, покрытыми мелкими кристалликами льда. Идет такая полоса по груди, извивается, а на ней изморозь иголочками топорщится, и так захотелось растопить. Снова сила взыграла. Кололи мне глаз эти иголочки острые, длинные, ощерились сотнями наверх, и пальцы зудели от желания смахнуть. Словно на себе их холод почувствовала. Даже ладошкой потянулась, а тот, кто не иначе как маг снежный, вдруг бросил:

– Не прикасайся.

И позади раздалось насмешливое:

– Думаешь, у тебя одной дар на ледяную силу реагирует?

Я не сразу поняла, да мужчина со снежными волосами пояснил:

– Ты лед ощущаешь, а я огонь чувствую. На твоём месте не рисковал бы. Свой дар я хорошо контролирую, но после выброса огненного мне и собственную силу усмирить нужно.

Поняла. Вот сразу осознала, что сказать хотел, и отступила. Помолчала, с мыслями собралась и на вопрос его ответила:

– Я Сердце Стужи звала.

– И? – изломил брови тот, кто мой огонь усмирил.

– И не похож ты на него.

– Отчего же? – Не он спросил, снова позади уточнили. Скорее даже удивились, да так, что не сдержалась и принялась объяснять:

– Сердце Стужи обликом настолько ужасен, что каждый, кто взглянет, от страха разум теряет. Еще, говорят, глаза у него чернее ночи, и бездонная бездна в них плещется.

– Это с чего у повелителя льда глаза черные? – уточнил кудрявый.

– От горя.

Те двое и мальчишка на лавку даже присели и с таким любопытством на меня уставились, что я продолжила. Повела рассказ, который не раз и не два сама слышала.

– Жил на свете человек один, была у него семья, дом крепкий, родители и друзья. В те времена люди вечно норовили друг с другом поспорить, а потому княжества отдельно стояли, и нередко нападали соседи друг на друга. Воинов тогда ценили на вес золота, а этот человек был истинным воином. Вот и звал его правитель княжества на службу, да так часто, что дома реже бывать доводилось, чем на поле ратном.

Замолчала дух перевести, а сизоволосый отметил:

– Как рассказывает, слушаешься.

Ободренная такими словами, я дальше продолжила:

– Хорошо он бился, долго правителю верой и правдой служил, а когда домой возвращался, радовалось сердце, что подрастают смелые и бойкие сыновья, а любимая жена ждет из похода. Но вот однажды вернулся в свой край и нашел одно пепелище. Говорят, враги отыскали и никого не пощадили.

Мальчишка на лавке громко вздохнул, вроде как всхлипнул.

– Ни правитель не уберет родных своего воина, ни за самим воином никого не послали. Еще и задержали в походе. А вернись он на день раньше, непременно успел бы дом отстоять и семью спасти. Вот, говорят, с тех пор почернели его глаза. Врагам он отомстил жестоко, но близких вернуть это не могло. Зато слава о деяниях воина дошла до самой богини Стужи, и она лично к нему явилась. Предложила себе послужить, обещала от вечной боли, которую никакой мстостью не заглушить, избавить и взамен человеческого сердца предложила кусок синего льда.

Говорят, он согласился и действительно позабыл боль, как и все прочие чувства. Зато вернее его не было у Стужи воина, и стал он ей ближе и дороже всех прочих.

Закончила рассказ, и царила кругом какое-то время тишина. Я поглядела на тех, кто на лавке расположился. Они грустно смотрели, словно ждали продолжения, а история взяла да слишком быстро закончилась. После повернула голову к тому, кто позади меня стоял, и вот у него никаких эмоций на лице не обнаружила. Даже бровью не повел. Сложив на груди руки стоял, прислонившись к бревенчатой стене, а на губах едва заметная улыбка играла.

– Потому, значит, и не похож? – уточнил. – Глаза не черные оказались?

Я кивнула.

– А еще ты обликом не ужасен, видишь, дева разум от страха не потеряла, – со смехом заявил тот, что с платиновыми кудрями. – Бренн, ну что тебе стоит, прими разок боевую ипостась, не разочаровывай девушку.

– Я затем ее спасал, чтобы насмерть напугать?

– Привыкать все равно надо, – басовито добавил мужчина с сизыми волосами. – Если с нами останется, и не такое увидеть доведется.

Однако же странно это. Я одна в избе с незнакомцами, по виду которых сразу понятно: в бараний рог не то что меня, обоих братьев вмиг скрутят. А этот, кого Бренном называли, еще и настоящий снежный маг. Про них я тоже истории разные слышала. Немудрено даже, что именно такие вот маги ледяного духа уничтожить смогли, а меня в лесу отыскивали. Однако же я их не боялась, ну вон тех двоих точно. Возможно, все дело было в мальчишке, так безмятежно сидевшем между взрослыми и наравне с ними задававшим вопросы. Он даже не испугался к Бренну обратиться:

– А можно ее оставить? Так сказки хорошо рассказывает.

Истории я любые могла поведать, это правда. А какие не знала, те легко придумывались. Для сестренки младшей чего только не сочиняла. Вот и мальчишку проняло. Видимо, здесь некому было ребенку сказки сказывать. Где они вообще живут? В чаще лесной, подальше от людей? У нас считали, что снежные маги в крепости селятся, куда хода простому человеку нет. Только обладающий особенным даром отыскать и увидеть сможет.

– Оставить? Чтобы сказки рассказывала? – И столько насмешки в словах прозвучало. Прозрачные глаза прищурились, окинули меня сверху донизу. – Жива осталась, и ладно. Пускай к своим возвращается.

И такой грустный вздох в ответ на его решение раздался, причем все вздохнули: мальчишка да те двое. Только их тоске до моей далеко было. Ведь как туда вернуться, откуда меня напрямую в лапы ледяного духа отдали?

– Не хочу назад идти, – не удержалась от протеста. Понимала, что за спасение поблагодарить нужно, а требовать чего-то права не имею, но не сдержалась.

Ледяной взгляд в ответ холодом окатил.

– А мне какая печаль, чего ты хочешь?

– Так если нет печали, зачем спасал?

Двое позади вдруг закашлялись, будто воздухом поперхнулись, мальчишка затаился тише мышки, и тишина повисла – ножом режь. В такой момент любому, не только мне, понятно бы стало, что с ответом я поспешила, явно не то сказала.

– Вернешься, – негромко произнес тот, у двери, – расскажешь, что сама с духом справи-лась. В другой раз не рискнут у дерева вязать. Ну а насчет «зачем спасал» сперва разузнать следовало, чем тебе магический договор грозит, а после между мной и духом выбирала бы. Кто знает, взялась бы тогда звать.

Это как так? Между смертью и спасением выбирая, могла бы смерть принять? И о каком договоре речь?

Бренн вдруг кивнул в мою сторону и велел:

– Ловите, сейчас откат начнется. Как в себя придет, позовете. Верну обратно.

И хлопнула дверь, только метнулся в избу снаружи вихрь снежинок. Даже разглядеть, что за ней, не удалось.

А потом повело. Ох как повело! Закачались пол и стены, перепутались местами, бревна закрипели, вжимаясь друг в друга, потолок вниз подался прям мне на голову. Четыре руки и правда поймали, вновь на лавку потащили. И я в такое полубеспамятство впала, душное, тошнотворное, тяжелое. Голоса надо мной гудели, точно рой рассерженных пчел, и никак смолкать не хотели. Тянулись фразы одна за другой без остановки, цеплялись кончиками друг за дружку, одна в другую перетекала, и никак они мне покоя не давали. Вдобавок к скорби телесной еще и на сердце давили.

– Ведь и правда не знает, на что подписалась.

– Кто ж ее заставляет слова магические произносить?

– Кто, кто? Жить захочется, не только с Сердцем Стужи договор заключишь. Вот чего он с нее потребует?

– Что с девки потребовать можно?

– Ты по себе всех не меряй.

– А вы о чем?

– Малец, кыш во двор! Засиделся без дела.

Вновь скрипнула и хлопнула дверь, а голоса продолжили жужжать.

– Сдается мне, Сизар, она нас не узнала.

– Откуда им в глуши уметь снежных магов с ходу определять и меж собой различать?

Они там до сих пор жертв к деревьям вяжут.

– Не верит, что Бренн действительно хозяин льда. Вот глупая!

– Чего сразу глупая?

– Сам посуди, если огненные чародеи с подобными первыми выбросами силы совладать не в состоянии, кто бы из снежных мог их погасить? А еще, подумай, она с ледяным духом не справилась, а здесь едва избу не сожгла. Огонь силу, все прочие силы намного превосходящую, ощутил, вот и рванулся наружу. Такое если сопоставить, как можно усомниться, кого перед собой видишь?

– Ты ее сказку о Сердце Стужи слушал? Предания да легенды, где вымысла больше, чем правды. Не удивлюсь, что она простых вещей не знает. Огонь свой призывать не умеет. Ее бы оставить, обучить. Вдруг пригодится.

– Слышал его? Не оставит он чародейку. Хоть обучить бы и мог.

– Вот если бы она сама к нам пришла...

– Ты это брось! Коли ее надоумишь, сам знаешь, что за то будет.

– И не собирался. Но вдруг сама сообразит. Вот выйдет как-то ночью во двор, а там луна полная в небе висит прямо над горизонтом и над ней звезда светится. Тут чародейке в голову и придет: а почему бы по направлению той звезды в заснеженный лес не податься? И потом...

Голос вдруг перестал жужжать, оборвался коротким и гневным:

– Ох, доиграешься, Сизар!

– А что? Она в беспомощности, слышать нас не может. Я же просто так рассуждаю. Вот если бы ей рассказал, иное дело.

– Стужа с тобой! Тот еще упрямец. Положил на девчонку глаз, а теперь ждешь, что она жизнь человеческую вот на это променяет.

– При нормальной-то жизни, как говоришь, человеческой, в жертву не приносят.

– Кабы и так. Чародейка она. Здесь чем крыть будешь? Ты снежный, она огненная.

– И чем плохо?

– Всем хорошо! То-то тебя в другой угол отнесло, когда в ней огонь проснулся.

– Сам будто рядом задержался.

– Я мальчика защищал. А не умея с пламенем сладить, не лез бы на рожон. Чародейку ему подавай, целовать ему их сладко. Слышишь хоть меня?

– А то! Орешь ведь громко, даже в ушах гудит.

– Толку с тобой говорить! Я ему про одно, а он с девчонки глаз не сводит. Ну и сиди, присматривай!

Снова хлопнула дверь, и наступила чудесная тишина.

Глава 2

Об одном выборе из трех

В себя меня привела рука, наглая такая ручища, которая платье поглаживала. И ведь точно не замечательную сверкающую материю на ощупь пробовала, а скорее меня ощупывала. Глаза как-то мигом распахнулись, и я возмущенно на эту лапищу уставилась.

– Очнулась? – улыбнулся кудрявый, а пальцем знай ведет себе по рисунку на груди.

– Пробудилась, – пробурчала в ответ. Вот от такой наглости непомерной и пробудилась.

– Стало быть, расстанемся вот-вот? А я еще не налюбовался.

Улыбнулся широко и снова глаза на грудь скосил.

Бывают же такие счастливые наглецы, которых хоть хмурым взглядом одаривай, хоть прямо говори, а улыбка не померкнет, еще шире делается.

– Нечем там любоваться, платье как платье.

– А я и не на платье смотрю. – И головы не отворачивает, и смотрит, разве что взглядом не раздевает. – Не холодно тебе?

Да под таким взором, даже если холодно, мигом согреешься. А у меня еще и магия.

– Тепло, – снова пробурчала, повела плечами и уселась на лавке. – Где остальные?

– А кого тебе еще надо, когда я здесь?

Вот же!

– Того, кто меня обещал домой отнести. Если он не передумал.

– Как же, передумает, – искренне вздохнул блондин и даже улыбаться перестал. Посерьезнел вмиг и вдруг чуть ближе ко мне наклонился и совсем тихо сказал: – Ты только зеленую не бери, когда предложит.

– Что?

Вот совсем смысла не уловила. Правда, и пояснений дожидаться не успела. Дверь бухнула о стену, и появился тот, с сизыми волосами. Пора бы и самой их имена узнать. А с другой стороны, коли не называются и обратно отсылают, на что их выпрашивать?

– О, очнулась, – заметил вновь прибывший и, обернувшись, закричал: – Бренн!

– Ну чего ты появился, Севрен? – поморщился тот, кто рядом со мной сидел. – Только очнулась, а ты уже призываешь. За дверью, что ли, дежурил?

– Знаю я тебя, Сизар. И пяти минут достанет голову вскружить, пускай лучше ступает, да сердце девичье после ни о чем не болит.

Необычные они здесь какие. Не спросят, от какой жизни меня к дереву привязали и в лесу оставили, ни об остальном. Вот звала, пришли. Спасли, значит, будь тому рада. С остальным не обещались. И не буду упрашивать. Еще не хватало себя здесь большей приживалкой чувствовать, чем в доме отца. Нет так нет. Даже отвернулась от них. И честно, не ощутила приближения, а потому вздрогнула, когда над головой прозвучало:

– Ну, идем.

Стоял передо мной тот великан со снежными волосами и ладонь протягивал. Высокий какой, особенно когда вот так нависает. Двое других, как оказалось, уже у двери топтались. Один с грустью поглядывал, другой вроде с состраданием, только этот третий равнодушно смотрел. Но о его глазах ледяных я уж рассказывала.

Протянула руку, что делать. Думала, на улицу выведет, ан нет. Взметнулась снежная поэмка, потекла по ногам, добралась до плеч, дохнула в лицо и глаза запорошила. Когда проморгалась я, мигом узнала снежную поляну и дерево, у которого прошлый закат повстречала. Удивительно, но теплилась теперь за высокими елями румяная заря, и солнце лениво вползало

на небосвод. Только-только пробудилось и не хотелось ему выбираться из пуховой постели, вот и взбиралось на небесную обледенелую гору неохотно.

Как бы ни ощущалась на душе тяжесть, а все же обязана я была отблагодарить. Вотглянула на дерево и сразу вспомнила весь ужас и беспомощность, даже дух ледяной едва не пригрезился.

Обняла себя, поежилась, вскинула голову и на провожатого прямо посмотрела.

– Спасибо.

Он плечами повел равнодушно.

– Мне благодарности не нужно. Ты, призвав, слова магические произнесла. А любой, кто Сердце Стужи зовет, за то отплатить должен.

– За помощь?

– Кому помочь, я сам выбираю. – Он усмехнулся. – Не каждый, как ты, в минуту смертельной опасности зовет. Разные призывы бывают.

Нехорошей мне усмешка показалась, опасной. Сразу понятно, что если на пустом месте магическую клятву произнести баловства ради, то после еще как за это заплатишься. А ведь у нас слова эти передавали в сказаниях да упреждали, что призывать Сердце Стужи не следует. Не зря, видать, повторяли, что какая бы нужда ни прижала, а звать хозяина льда не смей.

– Теперь выбирай.

И ладонь ко мне протянул. А на ней три снежинки. Красивые, точно хрустальные, ровненькие, сверкают на широкой ладони и не тают. Одна сиреневая, другая бирюзовая, а третья зеленая. Зеленая? Не о том ли кудрявый предупреждал? Сизаром, кажется, звали.

– Снежинку выбирать?

– Свою плату за спасение. Сиреневая – дар свой отдашь.

Меня даже в жар бросило.

– Как дар отдам?

– Так и отдашь, как другие отдавали. Расплатишься им и позабудешь все случившееся. Будешь себе спокойно дальше жить.

Опять вслух спросила? Но ведь от матери, кроме дара, ничего не осталось. А сколько он меня выручал, согревал! Родня не шибко заботилась, тепло ли ночью на лавке под рваным одеялом. Или в дырявых сапогах в снегу по колено утопать.

– Бирюзовая – отдашь самое дорогое, что больше всего любишь.

Самое дорогое? Кроме дара и нет ничего дорогого у меня.

– Мне посветишь то, чем сердце согревается, чему улыбаешься, что радость вызывает.

– Да не было в жизни радости!

– Не было? Никакой? – вроде как удивился. – И не любил никто, и не жалел?

К собаке дворовой и то лучше относились.

– И не заплакал никто, когда тебя в лес вели?

– Да кто бы...

Начала и запнулась. Губу закусил, пряча от него глаза. Перепугалась насмерть, а вдруг прочтает и сам возьмет не спросив. Вдруг захочется ему мою радость прибрать? Ведь я, на всех обиду затаив, почти позабыла, как сестренка сводная отцу в ноги бросалась, как висла на мохнатых штанах, кричала. Слезки на круглых детских щечках на морозе застывали. Ведь в комнате заперли, она из окна в одной рубашке выскочила. Сердце тот крик на части разрывал.

– Любят, выходит. – И даже как улыбка в голосе прозвучала, отчего я вновь решила глаза поднять.

– Зеленая, – дал взглянуть на последнюю снежинку. – Лишь силу отдашь добровольно. Теплом поделишься, чародейка?

И голову набок склонил, и снова улыбка на губах и в глазах холод.

– Как поделюсь?

– Поцелуешь. Сама. Только если зеленую выберешь, позабыть ничего не сможешь. Поселится ледяная заноза в сердце, и покоя себе не найдешь. Выбирай.

– А если... если ничего не хочу выбирать?

– Ледяная сила сама плату возьмет.

И вроде спокойно ответил, но закружился вокруг вихрь, и пробрало холодом до костей. Огонь взметнулся внутри, растапливая, борясь с чужой силой, но гас, отступал под натиском. А в голове стучало: «Выбрала жизнь, выбирай теперь, как жить».

А как тут выбрать? Дар отдать или, может, любовью сестры с ним расплатиться? Вернусь домой, а она, как и остальные, отворачиваться начнет, не подбежит больше, не обнимет, на коленки не заберется. Ведь тогда хоть волком вой от тоски. У человека, которого совсем никто не любит, сердце рано или поздно изморозью возьмется, а после превратится он вот в такого исполина ледяного.

Потянулась к его ладони, пальцы замерли, не коснувшись.

– Зачем тебе тепло? Разве холод ощущать можешь?

Дух ледяной из меня почти всю жизнь с теплом вытянул, и хозяин льда той же монетой расплатиться требовал.

– Почти никогда, – слегка головой качнул, – а вот тепло человеческое взять могу.

Поднял свободную руку, и пальцы холодные по моему горлу пробежались, легонько так, но озноб охватил. Сдавило, закололо аккуратно там, где солнечное сплетение, и не вдохнуть полной грудью, не выдохнуть. Давит и давит до темноты в глазах. И вроде, когда не сопротивляешься, даже дыхание выровнять можно, но как же тягостно. Он не морозил, он просто давил, давил и колот... Убрал пальцы, и мигом тепло хлынуло, смыло душащий холод, согрело, дало вдохнуть.

– Почувствовала?

Еще как почувствовала. Мигом захотелось от ледяного этого поскорее подальше убраться.

– Что же, больше некому теплом поделиться? Никто целовать не рискует?

Засмеялся. И удивил меня этим больше некуда. Не ожидала, что такой, как он, про смех хотя бы слышал.

– Меня не рискуют, – ответил. – Мигом в лед обратятся.

Вот после этих слов я все же попятилась.

– Чего испугалась, чародейка? Или ты человек, чтобы от прикосновения моих губ заledenеть?

– И вовсе я тебя не боюсь.

А глаза отвела, потому что врала безбожно. Еще как боялась. И целовать его страшно было. Понятно, что тепло свое желанное он при любом моем выборе получал, но при таком-то куске льда вместо сердца надолго ему вряд ли хватало. Только очень жаль было дара, еще жальче сестру. Вот и стала себя подбадривать как могла. Невелика беда, что позабыть не смогу. Разве прежде ни с кем поцелуй на вкус не пробовала? Было ведь и не по принуждению вовсе. Вот и сравню, как хозяин льда поцеловать может. Такой глыбе ледяной меня уж точно удивить нечем. Зачем ему только добровольное согласие нужно? Дух, не спрашивая, тепло через губы вытягивал. Или в таком случае у тепла вкус иной? Или действует дольше? А может, насильно отнятое в груди не согреет, тяжесть не снимет?

Зажмуриться хотелось – страсть! Но я решилась, протянула руку и взяла зеленую снежинку. Сжала пальцы, а она растаяла, прочие же и вовсе исчезли.

– Как тебя целовать-то? – пробурчала ему, так спокойно наблюдавшему мой выбор. – На пенек забраться или...

Еще вопрос закончить не успела, а он подхватил меня за талию, поднял выше, и под ногами точно пенек из снега соткался ровно той высоты, чтобы мне не приходилось на носочки вставать и изо всех сил вверх тянуться.

Сердце в груди бухало от беспокойства, и я внутренне на себя прикрикнула. Вот же раз-вела страхи! Поцеловать его быстренько и не встречаться никогда больше. В иной раз точно не позову.

– А ты много тепла забереешь?

И все же не могла с собой ничего поделаться, тянула время.

– Сколько отдашь.

– Могу совсем чуть-чуть?

Улыбка в ответ.

– Когда прервешь поцелуй, тогда и я закончу силу брать.

Еще и от меня все зависело. Уж больно выбор простой. Удивительно, как он его в один ряд с теми двумя поставил. Странно и немного подозрительно. Ведь в первом случае говорил, что позабуду, нормальной жизнью живу, может, стоило... А впрочем, выбор я уже сделала. Довольно метаться.

Взять себя в руки и... точнее, лицо его в руки взять и чуточку приблизиться. И не так страшно. Истинная правда. Честное слово.

И все ж я зажмурилась, когда, обхватив ладонями его скулы, потянулась к губам. Главное, в холод прозрачных глаз не вглядываться, чтобы совсем не напугаться, а проще представить себе, будто кого иного целую. Нравился мне один парень по соседству.

Коснулась. Коснувшись, вдруг поняла, что вовсе не холодные его губы, не ледяные и даже не твердые. Мягкие, теплые. Они дрогнули под моими. Не сразу, чуть помедлив, но отозвались. Я, признаться, хотела быстро со всем покончить, ощутив, что тепло уходит, поцелуй разорвать, но замешкалась. Не поняла почему. Больно удивилась, видимо, ответу. Нахлынуло что-то, как будто чувства чужие, словно тоска по тому, чего не дано изведать и даже вспомнить. По теплу, не силой вырванному, а дарованному. По простому и настоящему.

Мне представлялось, его волосы должны и на ощупь точно снег быть, а оказалось, вовсе не хрустели они под пальцами, стелились в ладонях мягкими прядями. И постепенно подобно ветерку над ржаным полем, который один за другим клонит к земле солнечные колосья, рождая из них плавную волну, так в груди моей сперва коснулось ласковым теплом, поднялось к горлу, перекатилось по языку и выпито оказалось. Прошлое горячим мазком по его губам, дотянулось до широкой груди, растапливая лед, снимая тяжесть. И ощутила я, как подался он ближе и руки крепче вокруг меня сжались.

А потом тот ветерок ласковый, который сперва лишь легонько касался, мощь набрал. Закружил, завертел, и снег вокруг нас свил в тугой вихрь, и смешалась сила: моя огненная, внезапно рванувшая вперед, точно в отчаянном броске, и его ледяная, не сдерживаемая крепкой рукой, неподвластная больше контролю. Схлестнулись они и вдруг сошлись в безумном поцелуе. Зажгли огонь ледяной. Разгорелся он, взметнулся высоко-высоко, выше вековых сосен. И нас обоих жег, оплавлял.

Холод может обжечь, как и пламя, в этом похожи они. А потому не отпрянули силы, сплелись воедино, еще крепче притянув друг к другу тела.

Это я должна была оттолкнуть. Мне следовало расплатиться за спасение. Нужно было только отдать толику тепла...

Я смеяться пыталась, сравнить думала с тем, что прежде поцелуями называла, а теперь вовсе понять не могла, целовал ли кто по-настоящему хоть когда-нибудь. Казалось, прежде ничего подобного не знала, раньше вовсе чувствовать не умела. Как разорвать, если не вспомнила даже, что должна это сделать?

Не покачнись я на своем пеньке, так бы и умерла от этого поцелуя. Но подвели ноги, ослабли. Я бы и удержалась, конечно, за такие широкие плечи грех не удержаться, но стоило покачнуться, как хозяин льда мигом почувствовал и отклонился. Снег под ногами такой твердый и надежный вдруг рыхлым стал, и опустил меня Сердце Стужи на землю, вот так разом и опустил, только ладони мои горячие по его груди скользнули. И ведь не желала я силу призывать и не помышляла даже. Что говорить, если толком ей не владела, не знала, как умеет дар против воли выплескиваться. Но когда очутились ладони мои напротив холодного сердца, весь огонь к рукам прихлынул, одним мощным рывком точно ударил, как будто в отличие от меня ощущал, что вот сюда ему проникнуть нужно, разбить, расплавить средоточие чужой магии. Вспыхнули ладони ярко сине-красным пламенем, и Бренн покачнулся, на шаг отступил. А я на снег стекла, как вода талая. Вовсе сил не осталось. Я тепло отдала с поцелуем, а после весь огонь, что внутри был, от ответа Сердца Стужи взметнулся в душе, в тело напротив перетек.

– Чародейка, – негромко хозяин льда произнес. Негромко, но отчетливо так, точно из всех сил сдерживался и цедил потому сквозь зубы. Словно я враг, и не было только что волшебства, и сосны кругом в ледяном огне не горели.

Думала, бросит в снег, чтобы наверняка замерзла. Но присел на корточки, голову мою поднял, заставил на себя посмотреть. И взгляделся пристально так: не знала уж, куда от его взгляда деваться. Не сразу сообразила, что глаза потемневшие не холодом, гневом пылают.

– Знаю, силу не контролируешь и сдерживать не умеешь. Не нарочно огнем ударила, а иначе бы этот миг твоим последним стал.

Откуда мне что-то уметь, если прежде так много огня в себе не замечала.

– Сила лишь рядом с тобой и просыпается, – сказала и отвернулась. Хотелось мне с головой в снег окунуться, потому как лицо теперь огнем горело, а руки и ноги, напротив, ледяными казались. Еще и тело стал холод жечь, жег и жег, пока не начала кожа все слабее его воспринимать. Зубы застучали, а потом вовсе тяжело говорить стало.

– Чт-то не уходишь? Расплатилась я с тоб-бой. Отпускай теп-перь.

Качнул головой, а после взял за плечи, поднял из снега и вдруг плащ свой снежный, прозрачный, который за спиной его стелился, на меня накинул. Закутал и на руки поднял.

Затаилась я тогда, а мысли в голове совсем смешались. Не могла понять, что сейчас и думать. По всем легендам, которые о Сердце Стужи слышала, была я не жилец на этом свете. Как пить дать должен был насмерть заморозить за удар огненный, которого не ждал, который иного точно на месте бы положил, ведь в сердце оказался нацелен. Но стало в плаще из снежинок тепло, а он не спешил морозить, даже на землю не опускал, шел куда-то, по-прежнему держа меня на руках. А потом голоса послышались. Сперва издали, после все ближе и ближе, и вдруг увидела я сани запряженные, а на них оба брата ехали, лошадь понукали и разговор вели. От удивления ахнуть хотелось, а удержаться смогла, потому что дошло, не видят они нас. Между санями и Сердцем Стужи тонкая перегородка взялась прозрачная, чистая, лишь по ледяным узорам отличимая от воздуха. Мы все видели по эту сторону, а по ту – нас не замечали.

– В лесу, что ли, закопаем?

– Отец велел похоронить как положено. Ежели просто прикопать, не по правилам, начнет дух ее по лесу метаться. Самим покоя не будет.

– Для чего нас отправил? Мог бы и сам поехать.

– Сказал, он ее мертвой видеть не хочет. И всю ночь глаз не сомкнул, я знаю. У окна сидел, слушал.

– А ночью дух в лесу больше не был.

– То-то и оно. Принял, значит, жертву. Все же у Вески дар бесполезный был. Окажись она посильней, убила бы духа и выбралась. Зря мы, что ли, чародейку выбрали? А ты нож взял веревку пилить? Ее, поди, сейчас не разрежешь, обледенела вся.

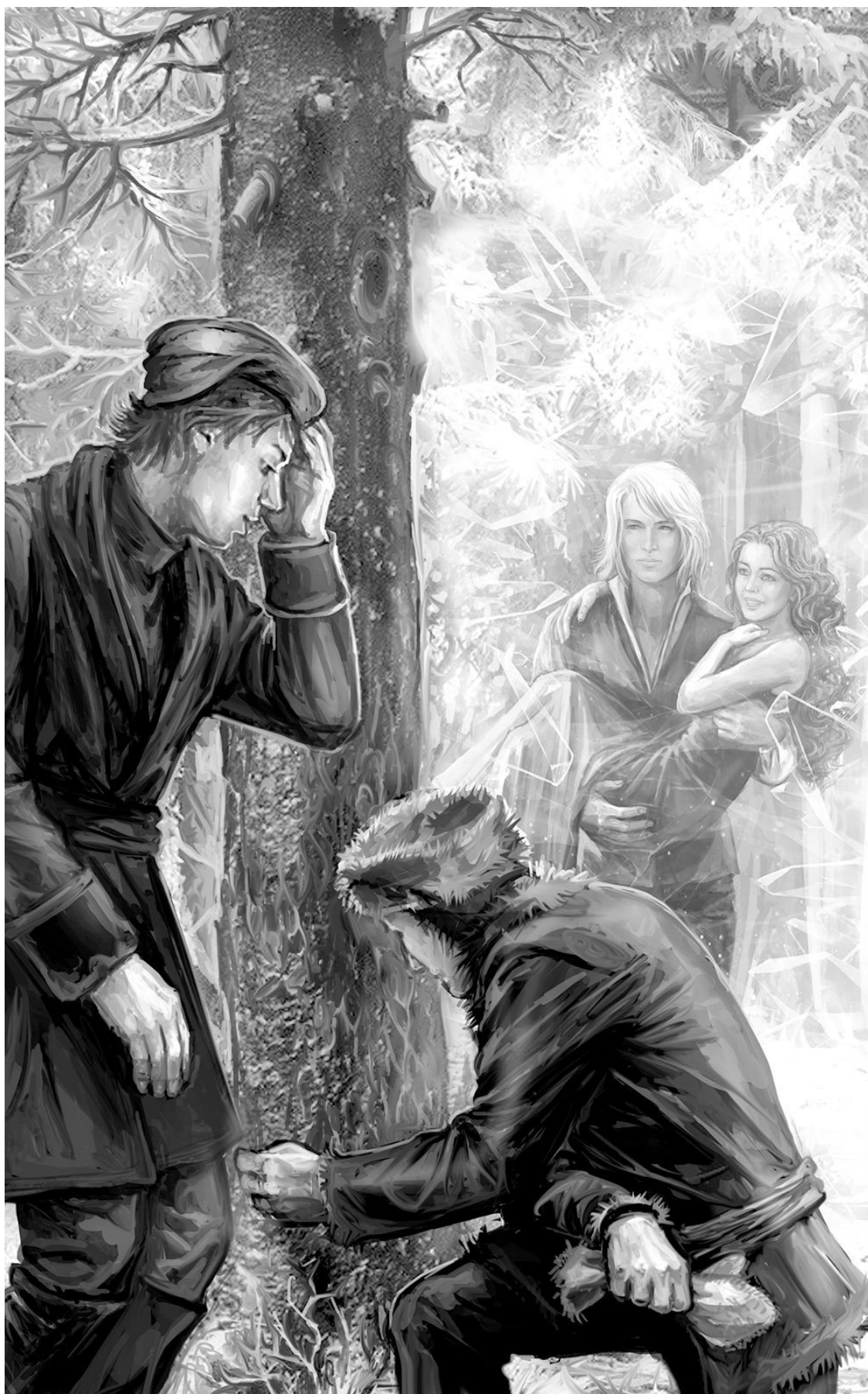
– Взять-то взял, вот только у дерева я никого не вижу.

Затормозили сани на полянке, а братья спрыгнули в снег и пошли аккурат к тому месту, где меня прошлым днем вязали. Остановились, заозирались.

– Не унес же он ее в самом деле?

Я отогревшаяся, довольная смотрела на их вытянутые лица, на то, как принялись вокруг дерева бегать, потом снег надумали рыть. Смотрела и едва от смеха удерживалась.

– Повеселилась? – тихонько так на ухо шепнули, даже дернулась от неожиданности. Больно увлеклась зрелищем, чуть не забыла, с кем я за ними наблюдаю, отчего сама для людского глаза незаметной остаюсь. – Теперь пора.

Сказал и прошелся вдруг ветер между деревьями, снег заворошил, смахнул верхний слой, бросил ледяную колючую горсть братьям в глаза. Закружил вокруг них, замел. В тихом, спокойном прежде лесу внезапно метель поднялась.

– Ну, ступай.

Как? Уже?

– Или здесь решила остаться? – Холодная усмешка уголки губ изогнула и меня мигом отрезвила. Я же так расположилась удобно и расслабилась, что даже руки вокруг его шеи обвила. А это «здесь» могло означать то ли в лесу, то ли на руках у него.

Недаром меня дома колючкой прозвали, а еще репейницей. Если намек какой был на чувства, которые привыкла глубоко в душе прятать, я всегда колкостью отвечала. Вот и сейчас.

– Никто не просил на руки поднимать, – сказала, но с рук слезть попытку не сделала. Пусть сам опускает, еще не хватало в снег сверзиться. Я же только согрелась.

– А ты без тепла приезда братьев дождалась бы?

Тепла привычного я сейчас не ощущала. Обычно подумать стоило, как оно мигом отзывалось. Теперь молчало, и было без него внутри пусто.

– Совсем чуть-чуть отдала, – поддел меня хозяин льда.

Сразу не нашлась, что на это ответить. В голове стало пусто, как и в груди. Поцелуй наш в этот миг вспомнился. Однако вскрикнул громко один из братьев: «Сани, сани где? Не видать ничего». И я отвлеклась. А после обнаружила себя уже на ногах, лишь выюга тихо на ухо шепнула: «Прощай, чародейка. Дар береги, впустую не трать».

И улеглось. Как будто враз стих ветер, и там, где секунду назад замело, успокоилось. Я же словно из самого вихря шагнула, очутилась как раз напротив братьев, едва они от налипших снежинок глаза продрали. И вот за всю жизнь ни разу не видала, чтобы они так бледнели и белее снега становились. Думаю, коленки точно дрогнули, а на ногах удержаться оба смогли лишь потому, что бывалыми охотниками были.

– Веска, – старшему достало сил хрипло прошептать, – ты ли это? Если дух, то, – он дрожащей рукой нож, приготовленный веревку пилить, поднял, – у меня здесь сталь, в огне заговоренная.

– П-прочь поди. – Младший трясся не меньше. Наверное, будь у него живой огонь, точно бы ткнул сперва, а после разобрался, живая – неживая.

Я промолчала. Не удержалась. Минут пять, но помучила, полюбовалась губами дрожащими, лицами белыми. Потом только сжала ладони:

– Я это. Не признали?

Не сразу их отпустило, однако видя, что не спешу в неупокоенку обращаться и на них кидаться, решились вперед шагнуть. Старший рискнул волосы ощупать, все так же сжимая в руке нож, а младший чуток позади, за его плечом держался.

– Живая и правда! Ты как это... – и на дерево оглянулся.

– Огонь проснулся, – я туда же посмотрела, так как врать не любила, а пришлось, – духа испепелил. Сама не поняла, как вышло.

– Огонь! – Младший восторженно вздохнул. – Так ты у нас настоящая чародейка? А думали, дар бесполезный.

– Слышал? Ты слышал? Пробудился огонь! – Старшего вроде гордость взяла, будто не во мне, а в нем дар проснулся.

– Ты прыгай, прыгай в сани поскорей. Домой поедem! А то неладно в лесу, метель ни с того ни сего приключается.

А руки не подали. Смешно сказать, снова меня испугались. Никак подумалось им, что едва дотронутся, я мигом огонь призову. Пришлось самой на сани забираться. Влезла и сжала коленки ладонями.

– Верно говоришь, – младший кругом настороженно огляделся, – как бы Сердце Стужи в такую пору неподалеку не бродил. Приметит нас, живыми из леса не выпустит.

И только мне послышался в присмирившем лесу далекий, почти неразличимый смех. Сама заозиралась по сторонам, но мужчины со снежными волосами не увидела.

– Веска, ты это, на. – Старший овечий полушубок протянул. Вот точно отец отдал, чтобы тело завернули. Раз велел по правилам обряд совершить, то и облачения путевого не пожалел.

Потянулась, приняла из его рук щедрый дар отца, хотела на плечи накинуть и тогда лишь поняла, что по-прежнему укрывал их снежный невидимый плащ. Морозный снаружи, но гревший меня все это время. Однако стоило к нему прикоснуться, как исчез, и тогда мигом холодно стало. Пришлось быстро в полушубок кутаться. Тепло внутри так и не почувствовала пока. Может, время ему требовалось восстановиться?

Братья тронули хлыстом лошадь и погнали сани в обратную сторону. Я же еще долго оглядывалась, но пустой оставалась поляна, и тихо было в снежном лесу.

Когда въехали в ворота и покатали по дороге между домов, на улицу высыпали почти все. Смотрели и глазам поверить не могли, шепотом передавали друг другу: «Весса! Живая!»

Братья приосанились, а я в полушубок молча куталась. Не улыбалась, не гордилась и еле сдерживалась, чтобы не отвернуться. А потом, когда уже к избе подъезжали, увидела, как из дома по соседству выскочил на улицу рослый черноволосый красавец. Меня приметил и сперва опешил, а после улыбнулся широко и громко радостно крикнул: «Весса! Живая!»

Прежде от той улыбки коленки подгибались, сердечко таяло, а сейчас... Я даже самой себе удивиться успела и еще разок прислушалась, но не сжалось сладко в груди. Сердце не дрогнуло, билось ровно, равнодушно.

Как же так? Не чувствую ничего? Да неужто? Назад оглядываясь, лес поодаль заснеженный видя, тоску осязала, а здесь и сейчас среди лиц, с детства знакомых, впервые глядящих на меня не с укоризной, а едва ли не с восторгом, лишь равнодушие испытывала. Взметнула испуганно руку к сердцу, словно могла так невидимую занозу в нем нащупать, а сани уже во двор вкатились. На крыльцо вышли мачеха да отец, она рот руками прикрывала, он сцепил ладони за спиной и смотрел, будто глазам поверить боялся. И снова не дрогнуло ничего. Всю жизнь-то я мечтала хоть разочек от него ласкового взгляда дожидаться или в голосе гордость за меня услышать, а сейчас, когда позади вся деревня стояла и шепталась о настоящей чародейке огненной, об избавительнице, я холодно скользнула взглядом по родным лицам и вновь самой себе поразились: да неужто не чувствую больше? Неужели и не смогу почувствовать? Что он за один поцелуй со мной сотворил?

– Веснуша!

Вздрогнула, обернулась.

Из окна, которое на огород выходило, высунулась наружу лохматая голова.

– Веснуша!

Перевалилось через подоконник и кубарем скатилось прямо в рыхлый снег растрепанное чудо. Наглоталась, закашлялась, а я, не помня себя, уже навстречу летела. Полушубок где-то в саях остался, сама в снег провалилась, но рвалась вперед, пока не вытащила из сугроба дрожащее маленькое существо, прижала крепко к себе. Позабыв, какой наказ о даре был дан, тепло, робко очнувшееся, еще не окрепшее, в тельце продрогшее послала. Грела ее в руках, а сердце в груди заходило от нежности.

– Ну что, княже, хмур и невесел? С таким лицом только заставы придорожные сугробами замечать. Если дальше так дело пойдет, все твои владения снегом занесет, люди не обрадуются.

– Довольно, Севрен! – Сизар тряхнул головой и вытянул из ножен на поясе ледяной клинок. – Разболтался ты, делом не хочешь заняться?

– А ты никак тоску в поединке излить надумал.

– Какую еще тоску?

– По огоньку, которого изведать не довелось.

Сизар упер клинок в пол и ладони на рукояти скрестил. Окинул друга тяжелым взглядом.

– И чем тебя эта девчонка приманила? Мало, что ли, княжества? Каждая вторая красавица по снежному владыке убивается, каждая третья в его постели побывала, а он хмурится.

– Говорю же, больно болтлив ты стал. Меч доставай. Разомнемся. Скоро, кроме как языком чесать, ни на что не годен будешь. Тогда я, пожалуй, к своему твое княжество присоединю да посмотрю, на что способны девки в твоих владениях.

Громкий смех друга стал ему ответом.

– А что, Сизар, Бренн-то ответил?

Тряхнув платиновыми кудрями, мужчина досадливо поморщился.

– Нет. И не намекнул даже, какую плату с нее взял. Но нутром чувствую, Севрен, зеленую она приняла. А раз так, значит, он с нее ночь требовал.

– Ладно тебе. Зеленая – это сила, а ее не только телом отдают.

– Смеешься? Она же чародейка, а потому с нее такую плату запросто спросить можно.

– А тебе первому чародейку попробовать хотелось, вот и хмуришься?

– Хотел, чтобы она к нам по собственной воле пришла. А так ради него явится, заноза покоя не даст.

– Не стал бы Бренн девицу к подобному склонять, ты не хуже меня знаешь. Он силой ни одну не потащит, пусть ему Стужа выбор невеликий оставила.

– То-то и оно. Богиня, как могла, озаботилась. Больно ревнива. Только сама, кроме холода, что предложить может? Без женщины любой мужик волком взвояет, пусть сердце обледенело, тело тепла требует. Ласки женской ни сражения, ни долг не заменят.

– Ты если о Стуже подобного мнения, чего здесь промышляешь? В княжество редко наведываешься?

– Будто сам не знаешь. Пока сердце любовью иной не согреется, не отгадет, не выйдет заноза из него. Пусть я богиню видеть не могу, но и позабыть тоже. Вдали от нее тоска накачивается и сил нет бороться. Здесь я ей служу, тем и успокаиваюсь. А эта чародейка и правда мне понравилась, если кто и мог исцелить, то она. Теперь же...

– Да не брал он девчонку, я больше чем уверен.

– У него дар, как у Стужи, и сила практически та же. Если пальцем коснулся, если хоть немного, но ответил, ее от него никакой ворожкой не отвадишь.

– Вот заладил. Так, погоди.

Севрен огляделся и заметил неподалеку спешащую куда-то молодую женщину со свертком в руках. Светлые волосы покрывал ярко-синий платок, а теплая шуба надежно укрывала от холода и нескромных глаз ладную и стройную фигурку.

– Северина!

Женщина затормозила, оглянулась и тут же поспешила в их сторону, после чего поклонилась и замерла, ожидая вопроса.

– У нас с другом спор вышел, а потому ответь-ка по чести. Отчего ты в снежной крепости остаешься, а в родной город возвращаться не спешишь?

– Знаешь ведь, князь, мою историю. Меня Сердце Стужи тогда от такой участи избавил...

– Знаем, знаем, лучше вот что скажи. Ты к магии снежной устойчива, тебя прикосновение хозяина льда не заморозит, он когда плату брал, о ночи просил?

Северина покраснела ярко-ярко и глаза опустила.

– Не просил, хотя я бы...

– Ты бы что?

– Не отказала.

– Вот видишь! – Севрен улыбнулся и слегка качнул головой в сторону смущенной женщины.

– Ну и что, – заупрямился Сизар, – она же не чародейка. И половины того огня нет.

– Ты ступай, Северина.

Женщина снова поклонилась и поспешила дальше, а снежные маги проводили ее взглядом.

– Бренн возьмет ровно столько, сколько сила потребует, Сизар. Чем больше помощь, тем плата выше. Он ей жизнь спас, выходит, должен самое дорогое взамен спросить. Если не спросит, сила без выбора возьмет, но он всегда людям выбор дает.

Глава 3

О сестринской привязанности

Как-то прежде не приходилось задумываться, насколько человеку в жизни покой дорог. Дар казался очень важным и нужным, о любви сестренки и говорить нечего. Искренняя и чистая, только она у меня и осталась, отношение всех прочих теперь вовсе беспокоить перестало. Не было мне больше горя, что не по сердцу я им, а их мнение, напротив, переменялось.

Вот только покой я дорогой монетой не мерила. Даже не думала, как хорошо каждый вечер спокойно на лавке голову преклонять, всю ночь сны мирные видеть, а утром легко подниматься. Не было мне горя, не сжимала тоска сердце, не пыталась всю душу вынуть. А сны... О снах и говорить невозможно.

И всегда они разные были, но яркие, словно наяву. И каждый раз я в них Сердце Стужи видала, только звала его иначе. Нежно и ласково Бренном величала. И молила его, и плакала, а порой даже кричала, а все потому, что коснуться не могла. Каждый раз ускользал. Во сне твердо знала, стоит дотронуться, и уйдет тоска, перестанет меня и днем и ночью мучить, а вот дотянуться не выходило.

В одну из ночей вот такое пригрезилось: шла по заснеженному лесу и холод ощущала. Было и одиноко и тягостно среди высоких под самое небо сосен. Так муторно на душе лишь в худшие моменты жизни становилось, когда наказывали без вины, когда за то корили, что отец мать в жены не взял, отворачивались и отталкивали, а душу, что к ним тянулась, в грязь втаптывали. И во сне точно такое же чувство. Ноет и ноет, сердце рвет, но куда-то упорно бреду, иду, утопая в снегу. Надсаживаясь, рвусь вперед, порой и по горло проваливаюсь, а попыток выйти из леса не оставляю. И когда там, во сне, точно вечность минула, когда уже и в мыслях одно лишь желание билось – не идти больше, здесь остаться, – мелькнула полянка среди ветвей. И к ней, точно к спасению, рванулась из последних сил. Как только не надорвалась?

Выползла, загребая горстями снег, упала на твердую землю, стараясь отдышаться, ощутила на лице горячие слезы, но тут же почувствовала, как сдувает их ласковый ветер. Искушив, прохладным прикосновением по щеке, и тогда я вскинула глаза и увидела, что неподалеку стоит Он и улыбается. Такой родной, такой желанный, самый лучший, самый нужный на свете.

– Добралась? – спрашивает.

И улыбка, и голос – все как наяву.

И подскочила я тут же, позабыв про усталость, что к земле склонила. Побежала к нему, чтобы преодолеть всего несколько шагов, и вдруг развернулась поляна между нами непроходимым бесконечным полем. Вьюга начала кружить и стонать, и снова холод, снова тоска, но я знала, если только доберусь, если подхватит, прижмет к груди, то закончится эта мука.

Но никогда, ни единого раза не могла я дойти.

Сколько раз просыпалась в слезах, часто до восхода солнца, когда лишь темень во дворе, но снова уснуть не выходило. Поднималась с лавки, которую теперь из холодной и узкой комнатки без окна, что больше на чулан походила, к Снежинке моей перенесли, и принималась из угла в угол ходить. На цыпочках, стараясь, чтобы половица не скрипнула, сон детский не потревожила. А иногда и вовсе во двор выбиралась и там же, на крыльце сидя, кутаясь в отданный насовсем полушубок, встречала рассвет.

Мне казалось, я хорошо эту тоску скрываю, умело притворяюсь, что вот теперь, когда меня не иначе как чародейкой огненной величать стали, когда косые взгляды улыбками приветливыми сменились, а я будто и правда позабыла о прежнем отношении, точно никто не догадается о занозе, поселившейся в сердце. Но тот, кто искренне любит, без лишних дога-

док способен почувствовать. Ведь о спасении своем, о Сердце Стужи лишь одному человеку я поведала – сестренке. Точно знала, она никому и слова не скажет. А самой на сердце эту тайну таить, никому о Нем не рассказывать, совсем не под силу оказалось. Хоть иногда, хоть парой фраз, но нужно было снежного мага коснуться, иначе чувства будто с ума сходили.

Вот и в одну из ночей поднялась с лавки, принялась из угла в угол тихонько ходить, когда Снежа моя привсталла вдруг с подушки, сонно потерла кулачками глаза и заметила меня, замершую в уголке. Луна яркая в окошко светила, оттого сестренка сразу углядела.

– Веснуша, а что ты не спишь? – Сама уселась, одеяло пушистое на плечи натянула.

– Пробудилась что-то, ты ложись, Снежа, ложись. Отдыхай. Если хочешь, сказку тебе расскажу.

– Про него расскажи, – попросила сестренка, укладывая темноволосую голову на подушку.

– Про него... – Я губу закусила, но спорить не стала и вида не подала, как самой в этот миг хотелось хоть немного о Нем поговорить.

– Расскажи, какой он.

– А я ведь рассказывала. Точно ледяной великан.

– А еще его снег слушается.

– И снег, и ветер, и каждая льдинка.

– Весса, – сестренка вдруг снова привсталла на локотке и обратилась ко мне, не назвав привычно ласковым прозвищем, – если он тебя спас, почему ты из-за него плачешь?

Сердце сжалось в груди от прямого вопроса, слишком взрослого для ребенка.

– Разве плачу, Снежинка?

– Я раньше думала – он плохой, не зря ведь никто по имени не зовет, и все его боятся. А он тебя спас.

– Он вовсе не плохой, просто не такой, как мы – люди. Силой великой обладает, а ведь с ней нужно управляться. Пожалуй, суждено меняться всем, кто подобной наделен, а иначе и быть не может.

Я вот собственной магией не овладела пока, кроме как согреваться, ничему не научилась. Не могла столько огня призывать, сколько в присутствии Бренна выходило. Сейчас по его совету копила силу. Ведь нынче отказа в одежде и иных просьбах не было, а потому не приходилось саму себя отогревать.

– Если он неплохой, можно мне его позвать?

Ох, как напугала сестра меня в тот миг.

– Что ты! Не смей! – выпалила, прежде чем подумать успела. Еще и сорвалась к ней, обняла крепко, к себе прижала, чтобы и правда ненароком не услышал, не пришел, не забрал. – Не нужно, слышишь, никогда не нужно его звать. Обещай мне!

– Я для тебя позвать хотела, – сестренка уткнулась в мое плечо, – чтобы ты больше не плакала.

Удивительно, как жизнь переменялась. Ко мне теперь не то что братья, мачеха ласковой сделалась. Все Вессочка да Весенка. Прежде указания раздавала, а теперь просила с улыбкой: «Не поможешь ли по хозяйству?» А один раз я их разговор с отцом услышала, и обсуждали не что иное, как женихов будущих.

– Теперь и к Вессе придут. Думали, младшую выдадим, а, не ровен час, старшую вперед сведут.

– Только если поторопятся. О младшей уже уговор существует еще с лета. Купец-то наш как раз к зиме прибыть обещался.

– Так скоро будут гости?

Меня тогда, помню, даже не то поразило, что теперь вдруг старшей величать вздумали. Ведь, как и прежде, оставалась непризнанной дочерью. Поздно было имя отца давать, раз при рождении перед богами от подкидыша отрекся. Оглушило, что Снежку мою сговорили. Это какой такой купец? Откуда взялся? Ведь не из наших, коли прибыть обещался. И с момента, как узнала, очень беспокойно на душе сделалось.

То, что девочек с ранних лет за жениха сговаривали, о большом почете свидетельствовало. Так ценили отца и род, что дочку еще маленькой к себе забирали. Она в той семье росла и воспитывалась, к порядкам постепенно привыкала, ну а после, как достигала возраста брачного, так и играли свадьбу.

Замаячила на горизонте разлука, но не она сильнее беспокоила, а тревога, чтобы попался человек добрый и понимающий. Моя Снежинка только в надежной и заботливой руке не растает, но таким ли окажется ее будущий муж?

К тоске моей нескончаемой еще и это беспокойство привязалось. В итоге даже мачеха заметила: «Похудела ты больно, Весенка. Печаль какая тревожит? А может, на сердце кто поселился?» И улыбка понимающая на лице. Она ведь на днях видела, как я через забор с соседом нашим переговаривалась.

– Адриан недавно на дороге попался, спрашивал, отпущу ли на солнечные гулянья.

День Зимнего солнца у нас традиционно, начиная с полудня и до следующей зари, на очищенной от снега поляне проводился. После этого праздника день уже прирастал, а люди тепла ожидали. Бывало, на самой заре парни с девушками обеты друг другу давали, а после приходили будущие мужья в дом невесты предложение делать.

Прежде Адриан не раз меня красивой называл, он же и был тем, кто поцеловал впервые, только раньше на этот праздник ни разу не звал. И не сказать, чтобы словам мачехи я очень обрадовалась. Просто был недавно случай один.

Столкнулась я с Адрианом поутру, как раз после ночи бессонной и тоскливой. Парень в лес с отцом собирался, а я как раз оделась потеплее, чтобы на опушке хвороста набрать на растопку, тесто на хлеб завести, пока все еще спят. Вот и поехала с охотниками на санях.

Довезли меня до опушки, парень еще вызвался с хворостом помочь, пока отец его вперед направился ловушки проверить. Быстро домчал обратно до дома с крепко обвязанной охапкой. Хоть и торопился поскорее в лес вернуться, но прежде этого с саней меня снял, вязанку сам к крыльцу оттащил, а после склонился и глаза даже прикрыл. Поцелуя за помощь ждал, не иначе. Да и почему бы не ждать, коли случались уже поцелуи, и точно ведал, как сильно нравился мне в прежнюю пору. Это ведь я знала, что не он теперь по ночам снится. Но из протеста, из желания хоть силком, но вытащить проклятую занозу, поцеловала его.

Здесь мне ни пенька не требовалось, ни на носочки вставать, только голову запрокинуть и руками плечи, пусть не столь широкие, но сильные и крепкие обвить.

Поцеловались.

Он раскраснелся, разулыбался, когда отстранилась, шапку даже стянул, видимо, очень уж жарко стало. А я... Что я? Когда Сердцу Стужи тепло отдавала, думала Адриана представить и вообразить, будто не белоснежные волосы в ладонях сжимаю, а черные кудри пропускаю меж пальцами. Однако не вышло у меня в ту пору ни о ком другом помечтать, зато сейчас безо всякого желания иные губы представила. Потому, видимо, и воодушевился парень. Вот только, несмотря на обман, не вознесся вокруг меня огонь ледяной. Обман он обман и есть, другого проведешь, а про себя всегда правду знать будешь.

Адриан уехал счастливый, будто что ему пообещала, а теперь вон и к мачехе с вопросом подошел. Показать хотел, у него серьезно все. Только почему он прежде не показывал? Отчего не вышел тогда на крыльцо, когда меня на санях в лес увозили? Почему не он, другой, от духа защитил и почти насмерть замерзшую отогрел? Все по той же причине, по которой и отец мою мать замуж не взял.

До леса, до духа не было у меня семьи, за человека вовсе не считали, а за невесту тем более.

– Веснуша! – Непоседливая моя Снежка забралась на колени, смахнула с них ненароком рубашку, которую я только зашить приготовилась. – Ты слышала?

Схватила меня за волосы, в пушистые косы заплетенные, и склонила ниже голову, я только успела руку с острой иглой отвести, чтобы ее не кольнуть ненароком, а сестренка на ухо громко прошептала:

– Меня скоро от тебя увезут.

Я молча на нее во все глаза глядела. Продолжения ждала. Если мачеха рассказала, значит, и правда со дня на день ожидают.

– Как думаешь, какой он? Похож на твоего Бренна?

Я шикнула на непоседу, хоть и произнесла она имя, от которого сердце вздрагивало, вполголоса.

– Если похож, я тогда даже плакать не буду, что уезжаю. А еще его попрошу тебя к нам забрать.

Ледяной дворец опустел. Просторные и светлые комнаты, наполненные кристальным морозным воздухом, светились сине-зелеными бликами прозрачного льда. Свет играл на ровных гранях гладких стен, преломлялся в роскошных люстрах и плясал на ледяной кладке каминов, никогда не знавших настоящего печного огня.

Высокий мужчина с волосами цвета красного золота миновал одну комнату за другой, оглядывая снежную роскошь и белые морозные украшения, узорчато вившиеся на всех окружающих предметах и превращавшие их в изумительно красивые, но неизменно холодные образцы тончайшего искусства.

Вот он прошел все комнаты, так и не встретив ни одной души, и достиг главного и самого роскошного зала с огромным ледяным тронном в центре. Равнодушно окинув взглядом невероятной работы царское кресло, мужчина повернулся к ледяному кругу, на котором светились и играли алыми красками сотни кристаллов. Он подошел ближе, негромко пробормотав: «А их стало больше», – и после внимательно присмотрелся к одному, самому крупному, находившемуся точно в середине удивительной кристальной композиции.

Свет скользил по граням, разбивался на осколки и вновь собирался в центре, распадался, раскалывался, а затем опять сползался в общий алый сноп, бывший из сердцевины безусловно красивого, как и все во дворце, но будто собранного из разрозненных частей кристалла. Словно алая кровь капала и застывала, оплаваясь неправильной формой, после чего эту самую форму обточили с краев, придав вид строгий и красивый. Мужчина качнул головой и уже хотел отвернуться, как вдруг опять взгляделся в кристалл и слегка нахмурился.

– Ах ты, негодник! – шепнули за спиной, и, резко обернувшись, он успел ухватить за белоснежную прядь невысокую стройную девушку в ярко-голубом наряде.

– Стужа!

– Яр!

Она выдернула из его ладони тугую, перевитую голубыми лентами косу и уперла руки в бока.

– Я-то недоумеваю, куда подевались все ледяные сущности. А они от тебя попрятались. Просила ведь, не являйся вот так во дворец, что стоило предупредить?

Яр прищурил глаза и прямо взглянул на сестру, не обманываясь этой скромной внешностью беспечной девушки, наделенной пусть идеальной, но, без сомнения, холодной красотой.

– На сколько моих запросов ты не ответила?

– Я разве не ответила? – Девушка напротив задумчиво перекинула на грудь снежные искрящиеся волосы, ее тонкие брови изогнулись, и она улыбнулась обезоруживающе наивной улыбкой. – Не донесли, Яр! Ух, я им покажу! – Сжала изящную ладошку в кулачок и погрозила пространству.

– Духов своих от границы отзови, Стужа, иначе я церемониться не стану. Люди в панике дома бросают, чародеи мои все дела спешные оставлять вынуждены, чтобы с нашествием ледяных прихвостней справиться. А твои же снежные маги грозят за нарушение черты водоемы заморозить и питьевую воду в лед превратить. Или ты новой битвы хочешь? Заскучала во дворце, развлечений в снежном царстве не хватает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.